

Надежда
МАНДЕЛЬШТАМ:

«Посмотрим, на кого работает время...»

Из неопубликованного

В нынешнем году исполняется 115 лет со дня рождения Надежды Яковлевны Мандельштам. К этой дате в екатеринбургском издательстве «Гонзо» выходит новое двухтомное собрание, в которое войдут практически все ее мемуарные и литературоведческие произведения. Второй том завершит подборка различных набросков, дневниковых записей, а также фрагментов ранних редакций текстов Надежды Мандельштам. Некоторые из этих фрагментов включены в настоящую публикацию. Источники публикуемых текстов находятся в РГАЛИ и Историческом архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (НА FSO Bremen). Благодарим Г. Суперфина, М. Классен и Л. Брусиловскую за помощь в подготовке этой публикации.

Фрагменты
и заметки

1

Мы никогда не думали, что доживем до старости. В каждую встречу она говорила: «Разве это не чудо, что мы опять вместе», и каждая встреча казалась нам последней. Мы часто говорили о гибели и о конце. Узнав, что в тюрьмах избивают, она сказала: «Теперь всё ясно и даже не страшно: шапочку-ушаночку и прямо на восток». В 38-м, поднимаясь на шестой этаж в квартиру, где в темной комнатке-кладовке умирала моя сестра Аня¹, она сказала мне: «Как долго погибать...» Это было сказано про нас с ней, а не про Аню. Аня умирала, а мы медленно гибли. Этот период медленной гибели у Ани уже остался позади. О.М. сидел в эти дни на Лубянке, а в квартире Евгения Эм[ильевича] умирал, тоже от рака, заброшенный, несчастный дед. Я зашла к нему, и он умолял, чтобы к нему приехал Ося. И у меня не хватило сил сказать старику, что старший его сын в тюрьме — еще одна жертва террора. Средний сын — Александр — приехал из Москвы, но уже не застал отца в живых. В больнице ему сказали, что младший, Евгений, отвез отца в больницу и ни разу больше там не появился. Старик умер один². Кто хочет такой старости? Мы с Анной Андреевной не хотели. В те дни она провозжала меня на вокзал — я ехала, чтобы сделать передачу в Москве, а потом опять вернуться в Ленинград к Ане. На вокзале была черная толпа, лежавшая на мешках. Детский плач, грязь и смрад. Люди бежали — кто куда и неизвестно зачем. «Теперь всегда так будет, — сказала Анна Андреевна. — К чему тянуть?... Хотя бы скорее...» Мне рассказал Николай Иванович. Она с ним тоже говорила о гибели: хоть бы скорее, пора, зачем... А ему надоело это слушать, и он вдруг как-то сказал: «Бросьте, Анна Андреевна, вы очень любите жизнь, вот поверьте мне, вы до старости доживете и всегда будете прыгать...» И она замолчала и очень внимательно на него посмотрела. Ведь

мы же знали ее неслыханную, необъяснимую, неистовую жажду жизни... Она впивалась в жизнь, она когтила жизнь, каждый глоток воздуха был для нее не просто вдохом, а каплей жизни, впитанной, усвоенной, захваченной и истраченной с диким вожделием.

В зрелости эта страсть к жизни была обуздана и волей, и обстоятельствами. Она вспыхнула опять во время войны. Мы шли с ней по Дмитровке — уже после ждановской истории, — и она мне вдруг сказала: «Подумать, что легче всего нам жилось во время войны, а сколько каждый день убивали людей...»
НА FSO Bremen. F. 104 (Borisov).
Автограф.

2

Май 37 года.
В день возвращения.
А.А. в Москве. Пришла. Головная боль.

В памяти что-то слиплось.
Высланные — бытовое явление.
<...>
Человеческий ум не в состоянии вместить.
Кто и что понимал.
НА FSO Bremen. F. 104 (Borisov).

3

Мы были психологически подготовлены к 37 году.
(Поля³ говорит: интеллигенты предали народ.)

1) Из кого состояло общество:
а) тридцатилетние и их младшие братья. Протективная политика охраняла их;
б) люди, не оправившиеся от испуга анархии. Даже Бердяев воспринял революцию как анархию, не поняв, что большевизм не анархия, а византийская организация власти <...>;
с) люди, прошедшие адаптацию и усвоившие идеи.

1) Страх анархии, через этот страх оправдание насилия.

2) Страх безработицы и потеря деловой инициативы.

К этому привело:

а) Митька Рубинштейн⁴ и все формы ловли рыбы в мутной воде в период разрухи хозяйства (а оно расстроилось еще до начала войны);

б) уверенность, что Запад с его «инициативой» всегда ведет к кризисам;

с) неумение работать. Во всех областях оказались люди, не знающие своего дела (управление, газета, кино, школа, любой слесарь — крах кустарного производства).

3) Кризис всех традиционных теорий и потребность в крайних мерах. Легче понимали организационные преимущества б[ывших] именно правые. Легкость, с которой говорили о насилии. <...>
НА FSO Bremen. F. 104 (Borisov).

4

У О.М. перед отъездом в Саматиху был разговор со Ставским⁵. О.М. заявил, что сочувствует всему, но примириться с расстрелами не может. Он рассказал мне об этом уже в Саматихе. Только тогда я поняла, почему мы туда попали. А до этого нам — дуракам — казалось, что весь ужас уже позади — сам Союз решил позаботиться о нас! Теперь уж не пропадем...

Но отношение к смертной казни? Как понять его в нашей стране, где без⁶ всякой казни можно превратить любого человека в лагерную пыль?
НА FSO Bremen. F. 104 (Borisov).

5

...Я вернулась в Москву, где недели две поблталась без прописки и не смея зайти к матери. Потом уехала, бродила

⁴ Дмитрий Леонович Рубинштейн (1876 — после 1937), банкир, директор Русско-Французского банка, Юнкер-банка и др., аферист и спекулянт; скупил акции книгоиздательства и газеты «Новое время». Здесь «Митька Рубинштейн» — в нарицательном смысле, как символ коррупции и наживы на несчастье.

⁵ Ставский (Кирпичников) Владимир Петрович (1900—1943), с 1934 г. член правления Союза писателей СССР, с 1936 г. — генеральный секретарь СП СССР, в 1937—1941 гг. главный редактор «Нового мира», автор доноса Н. Ежову на Мандельштама.

по разным местам и устроилась на работу, только когда на воротах было повешено объявление, что жены ссыльных, которых не принимают на работу, могут обращаться по такому-то адресу⁶.

Когда в том же году «Правда» заказала Зошенко рассказ, он написал про мытарства своей соседки, жены сосланного мужа, пытавшейся устроиться на работу. Это ему, наверное, зачлось, но не сразу. Тогда его еще почему-то щадили.

Бедная задрипанная игуменья несуществующего монастыря, которой за стихотворные грехи приказано перевести корейцев, китайцев, армян и латышей⁷. Игуменья, у которой даже нет кельи, чтобы остаться наедине с самой собой. Игуменья, у которой есть сын. А что это значит, спросите у властей предрержащих.

Родство, дружба — и особенно дети — связывали людей по рукам и ногам. Если б у меня были дети, я бы, вероятно, не решилась сохранить стихи. Одно из двух. Словно предчувствуя это, я уже в глупой молодости отказалась от детей. Великое счастье не иметь детей. Если кто пробует шевельнуться — ему говорят: вот твои дети... Или: я твоя жена — ты забыл обо мне. Что ты со мной делаешь... Я твоя сестра... Я твоя знакомая — я бывала у тебя в доме... Мой телефон записан в твоей записной книжке... И никуда не денешься. Никуда не скроешься. Ведь мы живем в эпоху круговой поруки.
НА FSO Bremen. F. 104 (Borisov).

6

Я хотела смерти до той минуты, когда меня приговорили к жизни. Мы не раз торговались с О.М., кому умереть первому. Он захватил себе это право, совершенно не считаясь со мной. Впрочем, он думал, что я его не переживу, так как мне помогут отпра-

⁶ Н.Я. Мандельштам устроилась на работу на комбинат «5-й Октябрь» Александровского хлопчатобумажного треста г. Струнино 30 сентября 1938 г.

⁷ Речь идет о вынужденной, иногда граничившей с подцензурной переводческой работе А. Ахматовой.

¹ Анна Яковлевна Хазина (1888—1938), старшая сестра Н.Я. Мандельштам.

² Э.В. Мандельштам умер в ленинградской больнице им. К. Маркса 12 июля 1938 года.

³ Пелагея Федоровна Степина (1904—1985), хозяйка дома в Тарусе, у которой Н.Я. Мандельштам длительное время снимала квартиру.

Надежда Мандельштам:
«Первого доноса хватало
на все повторные аресты»

виться на тот свет. Меня забыли, и мне пришлось жить, чтобы сохранить стихи. Буду жить еще, если кому-нибудь не попадутся эти записки. Я не хочу, чтобы они попались. Я хочу дожить до того дня, когда всё, что я сохранила, будет напечатано. Солидным возможностям государства я противопоставляю бешеное женское упрямство. Посмотрим, кто кого переупрямит и на кого работает время.

НА FSO Bremen. F. 104 (Borisov).

7

Я не сомневаюсь, что Заславского не забудут⁸. Но я прошу также не забыть имена Рябова и Коваленкова — осквернителей могил. Они постарались вбить осиновый кол в спины покойников, которые продолжали шевелить губами. Всё началось с Рябова. Его статью в «Крокодиле», направленную против Эренбурга и святотатственную по отношению к мученице Марине, надо сделать символом гнусности⁹. Занятие этих гробокопателей настолько гнусно, что я умоляю не забыть их имена и воздать им должное за осквернение праха О. М. [андельштама], М. Ц. [ветаевой] и П. В. [асильева]...

Коваленков систематически боролся с возвращением О. М. ... Кроме своей статьи¹⁰, он выступал, где мог. На

⁸ Давид Иосифович Заславский (1880–1965), многолетний сотрудник газеты «Правда», автор многочисленных передовиц, фельетонов и застрельщик проработочных кампаний против Д. Д. Шостаковича, Б. Л. Пастернака, «безродных космополитов» и т. д.

⁹ Иван Афанасьевич Рябов (1902–1958), писатель и журналист, член редколлегии журнала «Крокодил».

¹⁰ Александр Александрович Коваленков (1911–1971), поэт-песенник и прозаик, в 1957 г. опубликовал статью «Письмо старому другу», в которой, в частности, писал: «Думается, что «капиталистические пережитки в сознании» нашли после революции наиболее прочную поддержку у поэтов-акмеистов. Мандельштам был одним из крупнейших представителей этого направления. <...> Но за каждой строкой этого оказавшего настолько заметное влияние на литературные течения начала тридцатых годов поэта, что даже появился термин «мандельштам»,

заседании редколлегии какого-то альманаха (рассказал В.) зашел вопрос о напечатаньи О. М. ... Сурков оживился и сообщил, что он лично знал... Словом, он поддержал это предложение, но когда Коваленков решительно против него возразил, Сурков умолк. Этот случай открыл мне глаза на методы Суркова.

<...>
НА FSO Bremen. F. 104 (Borisov).

8

Я наследница О. М. Меня оформили вместе с другими женами реабилитированных в правах наследства только потому, что ССП ни при чем было¹¹. «Библиотека поэта» готовит том стихов О. М. Том этот стоит в плане, с редактором заключили договор, он сдал работу. Я об этом знаю из писем главного редактора «Библиотеки» и сама просила дать редактуру Н. И. Х[арджиеву]... Всё очень мило. И никто не удивляется, что до сих пор редакция меня не уведомила, что у нее в плане стоит О. М. и что над его томом работают. Редакция не может мне написать ничего на бланке — это документ, по которому я по закону могла бы требовать заключения договора и денег. Но можно ли рисковать государственными деньгами? Можно ли вступать в отношения с вдовой, когда еще книга не пошла в типографию? Зато можно писать письма на розовой бумаге — это не документ. Какое частное изд[ательство] посмело бы это сделать?

НА FSO Bremen. F. 104 (Borisov).

9

28 июля 1962.

Это всё предложения спасти человечество — Герцен, Соловьев и тот человек, что сказал: «Один раз в жизни мы захотели осчастливить народ и до самой смерти будем в этом каяться».

<...>

стоял призрак буржуазной цивилизации Запада. Сергей Есенин однажды даже пытался бить Мандельштама. И было за что...» (Знамя. 1957. №7. С. 168).

¹¹ Справка о реабилитации О. Э. Мандельштама датирована 6 августа 1956 г.

В Москве: поездка за Болшево к Хазину — не родственнику¹². Мне еще К.¹³ говорил, что О. М. в лагере разыскал моего однофамильца, чтобы спросить, не родственник ли он мне. Тот, по словам К., принял О. М. весьма холодно. Он ничего не мог сказать, кроме изложенного в письмах¹⁴. Свидетель хотел, чтобы завязать знакомство. Его мечта — писать мемуары о тех событиях, свидетелем которых он был. Для этого ищет путей. Лагерь его не интересует совершенно, а только родное местечко и «история революции», т. е. из его местечковых знакомых, которые как-то участвовали в событиях 17–20 годов или выбились в люди в эти годы.

По профессии он инженер, но от него пахнет Чекой; мне вдруг показалось, что из такого в лагере можно было сделать отличного стукача. Видимо, активный читатель Эренбурга, хотя и ругает его в духе послевоенного нападения на его военную публицистику: «Немцы тоже люди... немецкий народ...» Чем-то, я подумала, он должен быть похож на рядового американца, которого я никогда не видела. Трагедия полубразования.

Была Юлия¹⁵. «Мы счастливые люди — у нас было о чем думать и что думать: больше любви, больше всего в жизни я думала о Сталине и о ГПУ». Это я. Она понимает.

Можно ли устроить жизнь на этой земле? Трагедия полубразования — мертвая маска людей, живущих общими мыслями. Равнодушная толща. Интеллигенция и революция. Воля к власти. Страшный муравейник с атомным оружием и героями — устроителями, управителями и преобразователями.

<...>
НА FSO Bremen. F. 104 (Borisov).

10

28 июня 1964 год<а>.

Никулин на редколлегии «Москвы» требовал, чтобы сняли стихи О. М., петербургского империалиста¹⁶. Женя¹⁷ возразила, что пора прекратить приклеивание ярлыков. Никулин не настаивал. Это всплески прошлой эпохи. Сопротивление Прокофьева — Орлова¹⁸ — руситов гораздо серьезнее. Сейчас очень ясно виден механизм: инициатива идет снизу, а в Цека бегают

¹² Самуил Яковлевич Хазин, инженер, солагерник О. Мандельштама (см. о нем: Мандельштам Н. Воспоминания. — М.: Согласие, 1999. С. 448–449).

¹³ Юрий Алексеевич Казарновский (1904 — не ранее 1956), поэт, солагерник О. Мандельштама (см. о нем: Там же. С. 443–451).

¹⁴ Известно письмо С. Я. Хазина И. Г. Эренбургу от 21 мая 1962 г.

¹⁵ Юлия Марковна Живова (1925–2010), редактор отдела литературы социалистических стран Гослитиздата, подруга Н. Я. Мандельштам.

¹⁶ Лев Вениаминович Никулин (Лев Владимирович Ольконицкий, 1891–1967), журналист, писатель, литературный деятель. Речь идет о подготовке к печати публикации стихотворений Мандельштама в журнале «Москва» (1964. №8).

¹⁷ Евгения Самуиловна Ласкина (1914–1991), в 1956–1969 гг. зав. отделом поэзии журнала «Москва».

¹⁸ Александр Андреевич Прокофьев (1900–1971), поэт, с 1945 по 1948 г. и с 1955 по 1965 г. — первый секретарь Ленинградского отделения ССП СССР. 4 апреля 1957 г., на заседании отделения в связи с подготовкой альманаха «Прибой», куда предполагалось включить стихи Мандельштама, А. А. Прокофьев заявил, что «категорически протестует против включения их в сборник». Владимир Николаевич Орлов (1908–1985), литературовед, в 1956–1970 гг. главный редактор «Библиотеки поэта».

отстаивать свои запрещения и погромы. По слухам, Твардовский, упрекая Прокофьева, сказал, что негоже поэту сажать поэта (т. е. Иосифа Бродского). А когда у нас бывало иначе? Пускали в ход карающую машину именно товарищи по работе и профессии, а затем машина, самосовершенствуясь, продолжала действовать, не нуждаясь в добавочном топливе. Первого доноса хватало на все повторные аресты. Сейчас речь идет о недопущении в общество, об изъятии из общества, о лишении голоса живых и мертвых.

Почему выступил Никулин? Личной заинтересованности у него нет никакой. Она есть у Прокофьева, поскольку ему — развращенному протекционной системой — верится, что его книги не будут залеживаться на складах, если изъять Бродских и Мандельштамов, которые ходят в списках. Никулин даже такого прозрачного довода не мог бы привести. С ним, вероятно, происходит то, что с моей псковской соседкой Клавдией Ивановной. Целую зиму она готовила мне обеды и молила Бога, чтобы я приехала в Псков и на следующую зиму, чтобы она могла подзаработать и с моей помощью перетащить сына в следующий класс. Она ведь всё посылала его ко мне проверить задачку или перевод с английского. И она действительно мечтала продолжить эту жизнь.

Но на общем собрании жильцов ее душа рванулась на знакомый ей путь, и она начала орать о том, что моя хозяйка спекулирует площадью, а я живу без прописки. Несколько часов она даже торжествовала: «Живите на здоровье, только пропишитесь...» А потом, увидев, как выносят мои чемоданы (я тут же переехала к Майминым¹⁹), вдруг всё поняла и завывала, поняв, что из-за своей жадности сделать донос она разрушила все свои планы и надежды. Никулин никаких своих надежд не разрушил. И выть бы не стал, но подобно Клавдии Ивановне, он не может не сделать в подходящую минуту идеологического доноса. Он натренирован на эту деятельность всей своей жизнью. Благодаря ей он пользовался всеми благами жизни, содержал жену и взрастил двух добродушных дочерей. Эта привычка стала второй натурой и чем-то обязательным и неизбежным, как условный рефлекс. Старику ее не преодолеть, даже если б он этого захотел, а у Никулина таких желаний, наверное, и в помине нет, как у моей полуидiotки Клавдии Ивановны.

Жизнь шепелявой Клавдии Ивановны складывалась куда труднее, чем никулинская. Ее отца раскулачили, зерно конфисковали, и голодные дети разбрелись по городам. Сначала Клавдия была домработницей, а потом выдвинулась и сделала карьеру: стала подавальщицей в столовой НКВД. Это высшая точка ее жизни. Ее муж в пьяном виде славит Сталина и блюет. В трезвом он ругает прораба, который обсчитывает его.

НА FSO Bremen. F. 104 (Borisov).

Публикация
С. В. Василенко,
П. М. Нерлера
и Ю. Л. Фрейдина

¹⁹ Евгений Александрович Маймин (1921–1997), филолог, писатель, профессор Псковского государственного педагогического института, и его жена Татьяна Степановна Фисенко.